Клава Юхонька

Запрет. Жена брата.

Клава Юхонька
Запрет. Жена брата.

https://litres.ru/75009469

Аннотация

Ошибка прошлого. Пьяная выходка, которая привела к выбору.

Не будь я так легкомысленна тогда, сейчас было бы гораздо легче.

Много неловкости. Мало секса, но вот подводок к нему... В каждой главе неловкости! Надеюсь вам понравится ❤# Вторая книга без мистических уклонов. Просто чувства, просто страсть и необузданное желание

Содержание

Глава 1. Возвращение блудного сына. 4
Глава 2. В шкаф. 12
Глава 3. Вызов. 22
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Глава 1. Возвращение блудного сына.

Ну наконец-то.

Создаётся ощущение, что весь город решил свалить в одночасье, потому что этот затор иначе не объяснить. Никакой логики, один сплошной хаос.

— Зато прямо к столу. Три минуты назад вытащила утку. Раздевайтесь, от вас бензином несёт так, будто вы под капотом ночевали.

Сегодня 12 декабря. В этом месяце пробки — такая же фундаментальная константа, как гравитация или тот факт, что оливье без горошка — уже не оливье. Все носятся как угорелые в поисках подарков и банок с майонезом. Мы — не исключение. Семья традиционно сбивается в стаю, чтобы отметить всё то безумие, что навалилось на один календарный лист: наша с Максом пятилетка, двадцатилетие свекрови и день рождения младшего брата Макса. Демьян уже пять лет как засел в Лондоне. Ирония судьбы в том, что именно благодаря этому мелкому засранцу у меня вообще появился муж.

Господи, как вспомню… Внутри одновременно разливается липкий стыд и густое, пьянящее тепло, от которого хочется то ли провалиться сквозь землю, то ли станцевать че-

чётку.

— А где Максим? — Мама заглядывает в гостиную, скидывая сапоги с таким видом, будто он ей лично задолжали.

— Погнала его за Асей. Её бросил очередной хмырь. Сидит там, заливает подушку слезами так, что хоть выжимай. Решила, что оставлять её одну в таком киселе эмоций — преступление против человечества.

— Молодец, дочка. В компании оно завсегда веселее выживать. Мы ей быстро эту дурь из головы выбьем. Парень-то хоть стоящий был?

— Да черт его знает, я его живьём ни разу не видела. Ей просто фатально не везёт на этих самцов. Ничего серьёзнее пиццы по акции за последние пару лет. До знакомства дело даже не доходит — я только фотки разглядываю да сказки слушаю, как в детском саду.

Народа набилось — дышать нечем, но это кайф.

Обожаю это всё до одури. Дом перестаёт быть просто коробкой и начинает пульсировать. Жизнь! Обычно мне тут одной невыносимо: Макс вечно тонет в ноутбуке, родителям пилить до нас два часа по этой самой каше, а Настя... С ней тоже особо не встретишься — она вечно спасает чьи-то чужие дедлайны. Я теперь даже удалёнке не рада, хотя летом кайфовала так, что уши закладывало. Сидишь себе на заднем дворе, солнце печёт колени, ледяной сок стекает по запястью, пальцы отбивают чечётку по клавишам… Красота.

— Семья, — берёт слово отец, и по тому, как он поправ-

ляет галстук, я понимаю: сейчас будет что-то эпичное. Традиция священна. — Этот год особенный. Сразу три юбилея. Вашей семье — пять лет. — Он поднимает бокал, салютуя моему пустующему стулу рядом. — Моя драгоценная супруга отмечает своё двадцатилетие. — Отец растягивает губы в улыбке, смотрит на маму так, что у меня внутри плавится пломбир от нежности. — И, конечно, наш сын. Которого пусть и нет с нами физически, но он обещал присоединиться по Скайпу. Поэтому я решил: провожать старый год в четырёх стенах мы не будем. Хоть это и весело, но банально. Мы едем в Шерегеш. Горы. Лыжи. Горячительное. Сауна. Короче, полный фарш.

Неожиданно.

Максимально круто. Но…

Ненавижу лыжи и борд.

Я пыталась. Макс упорно тащил меня на склон, а я психовала, деревенела и дёргалась на каждом бугре, как кукла в руках неумелого кукловода. После того как вместо спуска улетела в дерево и сломала руку, попытки сошли на нет. Все, конечно, орут от восторга, и я ору вместе с ними, мысленно представляя хрустящий снег. Но есть одно «но». Макса я похоже не увижу даже на эти праздники. Как только он видит белый склон и лыжные палки — всё, финита. Его засасывает в другое измерение, откуда он возвращается только к шашлыкам и коньяку. Просто охренительный подарок на первый юбилей, ничего не скажешь.

— Спасибо, пап, — тяну я, пытаясь заставить мышцы лица изобразить экстаз, а не кирпич.

— А вот и мы! — Дверь содрогается так, будто в неё влетел кто-то тяжелый и мощный. Вваливается Макс, целиком состоящий из снега и чёрного пуховика. За ним семенит Ася. Ну хоть тушь не течет у малышки — уже победа. Не знаю, какую мантру он читал ей в машине, но психология отношений — явно его тайная суперспособность.

— Привет, — ловлю его колючий, морозный поцелуй и начинаю метать тарелки со скоростью пулемёта. Он обожает мою праздничную еду, и я готова жарить эту утку сутками, лишь бы он ел моё, а не закидывался резиновыми ресторанными изысками.

Подарок отца Макс впитывает глазами. Счастье сочится из него, грозя залить ковролин липким восторгом. Кажется, он готов стартовать в аэропорт прямо сейчас, забыв снять мокрые носки.

— Это тебе, — под столом его ладонь ложится мне на коленку, сжимая ткань джинсов. По бедру пробегает холодок. Он протягивает бархатную коробочку. Так волнительно, что сводит живот. Я ждала свечей, лепестков роз, всего этого голливудского глянца. Всё-таки первый серьёзный рубеж. Но ладно. Плевать. Когда дома галдит толпа, думать некогда. Надо просто хватать, пока дают.

— Спасибо. Она чудесная, — целую мужа в обветренную щеку и застёгиваю на шее подвеску. Маленький ангел, дер-

жащий на своей ладони бриллиант. Тонко, остро и по-новогоднему холодно. Он помнит, что Новый год для меня важнее собственного дня рождения. Мелочь, а приятно.

— Настюх, — оживает Макс, цепляя вилкой кусок мяса. — А может, ты с нами? Чего тебе тут плесневеть в одиночестве?

Я вздрагиваю, вспоминая про подругу. Точно. Какого черта мы оставим её гнить в пустой квартире с вереницей дурных мыслей? Не думаю, что она вскроет вены, но бросать живого человека на растерзание зимней хандре — такое себе удовольствие.

— Спасибо, ребят, но вы же семья, — привычно прячет глаза в пол Ася. Скромница.

— Да какая ты нам гостья, — ржёт отец так, что бокалы звенят. — Я тебя вообще за младшую сестру Анжелы воспринимаю.

Всех разбирает на гогот.

— Ну спасибо, блин. Я вообще-то на год младше неё. Мне через три месяца тридцать, между прочим. — Показываю отцу язык и морщу нос. Не обидно, скорее забавы ради.

Мы с Асей реально со школы вместе, спиной к спине. Потом один ВУЗ, одна съёмная конура, ну и дальше без остановок. Она была моей подружкой невесты и отработала на десять баллов, даже когда я в середине банкета была готова сорвать шпильки и бежать со всех ног с этого грёбаного торжества.

Как вспомню, что за цирк с конями нам тогда устроил младший братец Макса, челюсти сводит от злобы. После тех закидонов предки и сослали Демьяна в Лондон. Он не сопротивлялся правда. Обиженно кривил рот пару лет, но чемодан тогда паковал бодро, ещё и приплясывал. Да и сейчас изображает непризнанного гения. Хотя от денег не отказывается — ради них звонит раз в месяц. Не нам, родителям, но мы плюс-минус в курсе его лондонских похождений.

Иногда вижу, как мама страдает. Перебирает альбомы, натирает рамку на комоде. Особо горько ей становится, когда мы собираемся такой плотной, шумной толпой. Конечно, ей хочется идеального кадра. Чтобы два сына сидели по обе руки. Этого хочет любая мать, сколько бы лет ей ни было.

Я даже пробовала поговорить с Максом. Предлагала сделать благородный жест — позвать Демьяна домой на каникулы. Но тот упёрся бетонной стеной и даже слушать не захотел. Хотя боже мой, я сама давно простила мелкого гадёныша за подлянки на свадьбе. Ну подумаешь, остался народ без свадебного торта, а мне пришлось менять платье посреди вечера. Ну пофиг. Теперь вспоминаем и смеёмся до икоты. Пусть тогда я рыдала крокодильими слезами и хотела отменить весь этот маскарад. Именно Настя привела меня в чувство. Зажала голову руками, встряхнула и заставила выйти к гостям с гордо поднятой головой.

Демьян всегда был токсично-обидчивым. У них с Максом разница в десять лет — глухая стена непонимания. Понятия

не имею, как они оба оказались в том клубе тем летом. Демьяну едва стукнуло девятнадцать, зелёный совсем, молоко на губах не обсохло. А я закрыла сессию, получила диплом и пришла праздновать свободу.

Он начал ко мне клеиться. Липкий, навязчивый — хуже банного листа. А я по синей лавочке отшила его так, что эхо пошло на весь клубец. Ещё и не пожалела метафор, потому что парень попался настырный, как клещ. Сказала прямым текстом, что он малолетка страшненький. Белобрысый, кожа в прыщах, железки на зубах и эта дурацкая шапка-петушок — в общем, мечта идиота. Он упирался, видимо понял степень моего алкогольного бесстрашия и начал давить харизмой. Я бы сдалась, видит бог, алкоголь требовал танцев на столе… Но почему-то мне показалось дьявольски забавным проучить сопляка. Показать, какими могут быть взрослые тёти.

Я подошла к самому огромному, бородатому шкафу на танцполе. Буквально повисла на нём и засосала прямо на глазах у покрасневшего от унижения его младшего брата. А потом ещё пальчиком поманила, мол, иди к нам, малыш, научу плохому.

Тот шкаф - оказался его старшим братом. Об этом я узнала позже. За завтраком со случайным попутчиком.

Так и закрутилось наше цунами. Всё было странно, неправильно, местами абсурдно, но мы кайфовали от каждого миллиметра друг друга. Через полгода мы расписались. Де-

мьяна эта история просто размазала по стенке. Он издевался надо мной так виртуозно, что предкам пришлось помочь нам собрать вещи и свалить на съёмную квартиру.

Нет, моя вина, безусловно, есть. Взрослая баба, вела себя как дешёвая актрисулька. Но и он мужчина. Пусть учится принимать отказы достойно. Ему было девятнадцать! Школу только закончил, выглядел как классический геймер-задрот.

Камон, какая любовь?

Если бы хотел — свернул бы горы. А вместо этого он выбрал тактику мелкой крысы. Начал кошмарить звонки, писать гадости, строить козни. Так сердце девушки не завоёвывают. Выглядел как брошенный во дворе щенок, который пытается тяпнуть за штанину — жалко и смешно одновременно.

— Привет, семья, — вдруг произносит низкий, прокуренный голос из проёма гостиной.

— Сынок! — визжит Надежда Александровна, вспарывая воздух запахом сладких духов. Рвётся вперёд, сметая табурет, и врезается в снежного человека.

Этого не может быть. Мой мозг зависает на мёртвой картинке, отказываясь перезагружаться. От нервяка реальность плывёт перед глазами, как плохой кислотный трип. Я даже не замечаю, как залпом, не чувствуя вкуса дорогого Мерло, осушаю свой бокал до дна.

Глава 2. В шкаф.

Я не видела его... Да я пять лет его не видела! И за это время его будто подменили.

Просто гора мышц. Он и раньше был высоким, мы даже шутили, что в детстве его заставляли висеть на турнике, потому что в роду таких габаритов отродясь не водилось. 197 сантиметров. И если раньше он весил килограммов семьдесят, не больше, то сейчас это медведь. Посреди моей гостиной стоит белый медведь! Светлые волосы, собранные в дурацкий пучок, выбритые виски и борода — не такая густая, как у Макса, но придаёт ему чёртовой брутальности. Я бы его хрен узнала. Честно.

— Привет, сын, удивил! — Отец был рад не меньше матери, но держал марку, не размазывал сопли.

Я рада за них. Это лучший подарок для мамы, который он только мог сделать. Только вот за себя... Я снова провалилась в то время, когда он кошмарил мою жизнь. Глупо, наверное, но какие-то нездоровые вибрации пробегают по коже, как только он оказывается рядом. Вот он протягивает брату руку, и у меня мурашки, будто по спине кто-то ледяными пальцами провёл.

— Привет, личинка, — Его ладони ложатся на мои плечи, и я замираю.

Так меня не называл никто. Просто бредовая ассоциация: Лика, Анжелика — личинка. Тупой вывод, как и он сам. Придурок, блин.

Так, ладно, выдохни. Может внешне он и прокачал хариз-

му, но судя по словечкам — всё тот же подросток.

— Привет, малец, — отвечаю в той же манере, что и пять лет назад. От чего его пальцы сжимают ткань моей блузки. Отлично, значит ответ достойный.

— Так, ну хватит, столько лет прошло! — Мама возмущённо встаёт со своего места, с грохотом отодвигая стул. — Возьми себе пуф и иди сюда, голодный небось.

Он отступает, идёт к родителям, начинает рассказывать, как добрался и как вообще решился на возвращение.

Каникулы у него! Словно все предыдущие пять лет его в рабстве держали, без права на отдых. Ага, поверила.

— Мам, я знаю, что был дурным сыном, особенно последние несколько лет, но это в прошлом. Прости меня. — Он берёт её за руки, смотрит прямо в глаза, и у меня что-то ёкает. — Ты мой свет, мой луч надежды. Спасибо, что принимаешь меня таким, какой я есть, и веришь, что я могу стать ещё лучше. Твой младшенький — мудак.

— Сын! — кашляет отец, явно не готовый к такой лексике в присутствии женщин.

— Прости, пап, но другого слова не подобрал. Мне осталось полгода отучиться, я мог бы остаться там. Мне предлагают хорошую работу. Но я хочу на родину: к тебе, к семье. Хватит с меня скитаний. Прошу, позвольте вернуться.

Он застывает с рюмкой в руках, а мы затаив дыхание ждём ответа Надежды Александровны. Она смахивает слезинки и смотрит... Так, как никто, кроме матери, на тебя не взглянет.

— Демьян, я буду только рада. Прости меня, что позволила тебе думать, будто тебя тут не ждут, — говорит она и вжимается в него, в его плечи, пахнущие морозом и дальними дорогами.

Это мило. По-настоящему, искренне. Именно то, чего она ждала. Смотрю на эту картинку и радуюсь. Радуюсь, но не долго. Улыбка сползает с моего лица, как только я сталкиваюсь с ним взглядом. Похоже, он нихрена не изменился.

По отношению ко мне точно.

Дела...

Закидываю очередной бокал в себя, как в сухую землю. Легче не становится — наоборот, дрожь по телу, будто под кожу залили жидкий азот. Предчувствую лютый пипец.

— Ну вот, теперь тем более считаю, что вам и без меня плюс одного гостя вписать в своё путешествие придётся, — включается Ася, и я наконец-то отрываюсь от гипноза.

— А я считаю, что наоборот — уравновесили. Поселим вас в одной комнате с Максом и Анжеликой. Вы же не против?

— Чего? — возмущаюсь я, и вино носом выходит, тёмно-рубиновой струёй на моё белое платье, которое я мучительно долго подбирала к торжеству.

— Вот это человек радость выражает! — Смеётся отец, не подозревая, какой пиздец сейчас происходит у меня в голове.

— А что? Это хорошая возможность наладить то, что бы-

ло потеряно. Уверена, что Демьян уже вырос из того возраста, когда мог пакостить. Так ведь, сынок?

— Да, мама. Вырос, — отвечает так ядовито, что воздух вокруг него, кажется, начинает искрить, но остальным слышится мёд.

— И вообще, Ася тоже одна. Посмотрят на вашу идиллию — и глядишь, чего получится, — отец, как всегда, сводничает, даже не подозревая, какой кошмар заваривает.

Это какой-то бред. Жить парами в одном номере. Да какими парами? Они вообще видят друг друга в третий раз в жизни. Он испортил лучший день в моей жизни, а теперь ещё и первый юбилей испортит. Нет, ну может, он и изменился, повзрослел. Но я не хочу с ним делить один номер!

Блин, Ася. Ну какого черта? Не мог твой ублюдок тебя чуть позже кинуть?

Чертово пятно!

Конечно, не отмыть. Да и зачем стараться? Иду переодеться во что-то менее праздничное. Настроение на веселье — ноль целых, хрен десятых. Надеюсь, сегодня не заставят нас лечь по обе стороны от них!

Злюсь.

Конечно, родители не при чём. Они хотят помирить сыновей, но думать ведь тоже надо.

Шум с первого этажа доносится до спальни. Они все счастливы, и это главное. А я... Придётся потерпеть, как всегда.

— Помочь? — Его ледяной голос врезается мне в спину. Такой холод опутывает, хочется быть на безопасном расстоянии. Чтобы даже не видеть.

— Ты кажется дверью ошибся, — держусь уверенно, хотя ноги предательски дрожат.

— Это разве не ваша спальня?

— Наша, — сглатываю.

— Значит, не ошибся. — уверенно хмыкает Демьян и заходит. Вздрагиваю, когда дверь закрывается. Он ведь... Он ведь не станет мне вредить?

— Ты кажется что-то перепутал. Это не общая комната, сюда нельзя кому попало.

— Лика, я просто зашёл сказать тебе, чтобы ты так не нервничала. Твой взгляд меня беспокоит. Я уже давно не тот мальчишка, что будет донимать тебя и устраивать пакости. Тебе нечего бояться.

— Да? Именно поэтому ты решил сообщить мне это лично? Спасибо, хватило убеждений твоей матери.

— Я зашёл тебе это сообщить просто потому что захотелось посмотреть на тебя. Ты стала другой, изменилась. Как и твоя подруга. Буду благодарен, если замолвишь за меня словечко. Думаю, если ты меня не простишь, то и она тоже не станет. А я люблю светленьких.

— С каких пор? — Вырывается у меня удивлённо. Ведь мой цвет всегда был чёрным. Жгучая брюнетка с белой кожей... Обидно!

— С рождения, — отвечает ровно, даже в глаза не смотрит. — Так что? Я могу на тебя рассчитывать?

— Ага, — нервно сглатываю, готовая согласиться на что угодно, лишь бы он смылся.

Он капец как изменился. Голос уверенный — бархат и сталь. Каждое движение резкое, но точное. Стоит словно хозяин, осматривает спальню, даже разглядывает вещи, не стесняясь. От него пахнет дорогим табаком и чем-то острым — то ли имбирём, то ли опасностью.

— Эй, ты тут? — скребётся в дверь Ася. Я отчего-то пугаюсь и, хрен знает на каких инстинктах, пихаю Демьяна в шкаф. Зачем — так и не поняла.

Ася проходит в комнату, уже более позитивно настроенная, но всё ещё с красными глазами.

— Ты тут решила спрятаться? — Усаживается на нашу постель, явно настроенная на долгий разговор. Не время и не место, надо её как-то мягко увести отсюда.

— Да я меняла наряд. В принципе, вот, нашла. Пошли, не будем заставлять гостей ждать. — тяну подругу за руку, а она лишь дёргает её и падает всем телом на подушки.

— Знаешь, я думаю, он не просто так приехал. Спустя столько лет.

— Что? Ты это о ком?

— О ком, о ком! Не тупи! Про Демьяна, конечно. Ты видела, как он смотрит? Там же искры, капец. Не говори, что не почувствовала.

Конечно почувствовала. Кажется, температура поднялась, как только он на крыльцо ступил. Не понимала от чего, но стало душно. А после того, как увидела его... Точнее, у меня-то всё ровно, просто он горит желанием уничтожить меня. А за что? За мой длинный язычок? За грубую фразочку, сказанную пять лет назад. Капец...

— Насть, давай потом об этом. Гости!

— Да пофиг им на тебя, там есть тема для обсуждения. Ты мне лучше скажи: у вас с Максом как? Помирились? Или это цирк для родителей?

— Помирились, — рявкаю я, не желая развивать тему. Нет, дело не в Насте, ей я всё рассказываю. Просто не хочу, чтобы Демьян знал. А признаться Асе, что он почему-то сидит в моём шкафу, не могу. Глупость какая-то.

— Ну я рада. Тогда пошли. Только... — тормозит у самого выхода, а я почти врезаюсь в неё, потому что тороплюсь покинуть комнату, пока она ничего больше не ляпнула.

— Ну что ещё?

— Ты точно не против, что я с вами еду?

— Что? Нет, конечно, о чём ты, — прижимаю подружку к себе. Вот я эгоистка. У неё горе, считай, а я всё бегу от неё, хотя должна поддержать.

Заканчиваю с уборкой кухни уже к часу ночи. Все разошлись по комнатам, а я перебираю сервиз, пальцы скользят по холодному фарфору. В голове столько мыслей, что голова трещит. Думала, этот праздник, приезд семьи, как-то взбод-

рит нас. Мы с Максом сильно повздорили, и кажется, помирились только из-за приезда родителей.

Может, накручиваю себя, но что-то изменилось. Да, может, давлю на него, но уже пять лет прошло, да и он сам хотел детей, только вот я упиралась. Мы итак очень быстро поженились, а в вопросе размножения скорость ни к чему. Мне было всего 25!

А теперь, когда я сама захотела, он начал открещиваться. Уперся, всё твердит о планах, о возможности расти и времени, которого навалом. Успеем с детьми, а вот заработать деньги — нет. Хотя итак всё есть. У нас у каждого отличная работа. Дом не в кредит, две машины. Каждый год семьёй мотаемся на отдых. Куда ещё больше?

О наших неурядицах знала только Ася. От неё нельзя было скрыть плохого настроения. Именно она и настроила меня на позитив: мол, родителям ни к чему видеть наши кислые лица. И она права — праздники ведь. Да и тему внуков они не поднимают. Вообще ни разу не подходили с неудобными вопросами.

За это я их и уважаю. Вообще не лезут в нашу жизнь. Может, потому что своя супернасыщенная? Нанянчились с детками, пришло время и для себя пожить. Тем более сами Макса заделали, когда по шестнадцать лет было. Понимаю, что детей для себя надо рожать, а не для бабушек, тёть и прочих желающих.

— Спишь? — Ложусь в кровать, и не получаю никакого

ответа. Как всегда, привыкла.

Только в темноте, когда глаза привыкают к полумраку, я замечаю, что Макс не спит. Он смотрит в потолок с таким видом, будто решает уравнение с сотней неизвестных. И я знаю: он не скажет ни слова, даже если спрошу. Всё, что нам осталось — лежать рядом и притворяться, что так и надо.

Глава 3. Вызов.

Я должна изменить всё, что происходит сейчас

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.